Теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства в контексте возможностей его цифровизации*

ПРЖИЛЕНСКИЙ Владимир Игоревич, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор философских наук, профессор

Россия, 125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9

E-mail: vladprnow@mail.ru

В процессе разработки и реализации программы цифровизации уголовного судопроизводства важное значение имеет оценка роли и места теоретико-познавательных основ данного института с точки зрения их адаптации к новым условиям и процедурам и учета концептуальных изменений, которые произошли в философской теории познания и специально-юридических ее приложениях. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в процессе взаимодействия философского и частнонаучного знания (проблема сосуществования различных механизмов межуровневого взаимодействия) и взаимодействия частнонаучных дисциплин между собой (проблема «методологического империализма»). Критически разбираются тезисы о замене человека машиной в процессе «раскрытия преступлений».

Цель исследования — проверить гипотезу об изменении смысла и значения терминов «субъект», «объект», «объективность» в контексте цифровизации уголовного судопроизводства. Достижение этой цели предполагало анализ изменений в области философской теории познания, оценку возможности их учета в специально-научной (юридической) теории познания и включения в круг рассматриваемых проблем в перспективе цифровизации уголовного судопроизводства.

При подготовке статьи использовались философские (философско-герменевтический и философско-аналитический), историко- и философско-научные (социология знания, дискурс-анализ, критическая рефлексия) методы.

Основной вывод: в процессе цифровизации уголовного судопроизводства необходимо сохранить базовые теоретико-познавательные принципы различения формального и содержательного, объективного (интерсубъективного) и субъективного, что не исключает критической оценки возможностей традиционных способов определения понятий и категорий, распространенных в классической теории познания.

Ключевые слова: теория познания, цифровизация, уголовное судопроизводство, субъект, объект, объективное.

Для цитирования: Пржиленский В. И. Теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства в контексте возможностей его цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 17—29. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.2

Theoretical and Cognitive Basics of Criminal Proceedings in the Context of Possibilities of Its Digitalization

V. I. PRZHILENSKIY, Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russian Federation

E-mail: vladprnow@mail.ru

The author notes that in the process of developing and implementing a digitalization program for criminal justice, it is important to assess the role and place of theoretical and cognitive foundations of this institution, both in terms of their adaptation to new conditions and procedures, and in terms of taking into account those conceptual changes that have occurred in philosophical theory of knowledge and its special legal applications. The article deals with the problems arising in the process of interaction of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041.

philosophy and science (the problem of coexistence of various mechanisms of inter-level interaction), as well as in the process of interaction of private science disciplines (the problem of "methodological imperialism"). Theses on the replacement of a person by a machine in the process of "solving crimes" are critically analyzed.

The purpose of the study is to test the hypothesis of a change in the meaning and the content of the terms subject, object, objectivity in the context of digitization of criminal proceedings. Achieving this goal involved solving certain tasks, primarily analyzing changes in the field of the philosophical theory of knowledge, evaluating the possibility of taking them into account in a special scientific (legal) theory of knowledge and including them in the range of problems considered in the perspective of digitalization of criminal proceedings.

In preparing the article, both philosophical methods (philosophical-hermeneutic and philosophical-analytical) and historical-philosophical-scientific (sociology of knowledge, discurs-analysis, critical reflection) methods were used.

The main conclusion is that in the process of digitization of criminal proceedings, it is necessary to preserve the basic theorist-cognitive principles for distinguishing between formal and substantive, between objective (intersubjective) and subjective, which does not preclude a critical assessment of the capabilities of traditional ways of defining concepts and categories common in the classical theory of knowledge.

Keywords: theory of knowledge, digitalization, criminal justice, subject, object, objective.

For citation: Przhilenskiy V.I. Theoretical and Cognitive Basics of Criminal Proceedings in the Context of Possibilities of Its Digitalization. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 7, pp. 17—29. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.7.2

Среди основ уголовного судопроизводства важное место занимает философская теория познания, позволяющая организовать деятельность различных инстанций для сбора сведений, на основании которых принимается судебное решение, а также для их проверки, оценки и систематизации. Поиск фактов и их последующая интерпретация следствием, а затем судом осуществляются как некие рутинные действия, поскольку все участники этого процесса едины относительно того, что реконструкция действий людей, попавших в поле зрения правосудия, напрямую зависит от способности следствия устанавливать неопровержимые факты и ими обосновывать значимые суждения. Таким образом, правосудие в своей основе и самым непосредственным образом зависит от теории познания, которая не только указывает, что есть факт, а что не является таковым, но и объясняет, каким образом человек способен устанавливать, проверять и интерпретировать факты. «Самое важное, чем занимается правовая система, — пишет американский теоретик права Р. Познер, — это раз-

решение спора о фактах. Большинство судебных споров оборачивается разногласиями, реальными или мнимыми, по поводу того, что произошло в ходе инцидента, послужившего причиной спора, а не по поводу того, каким правилом следует руководствоваться»¹.

Теория познания предписывает каноны интерпретации, обязывая совершать одни действия и запрещая другие. При этом теория познания не является частью одного лишь юридического знания, но относится к совместной юрисдикции: вначале философы создают общую теорию познания и лишь затем в процессе ее адаптации к сфере судопроизводства возникают возможности объединения усилий философов и правоведов. Так рождается уголовно-процессуальная теория судопроизводства, включающая в себя теорию доказывания, учение о доказательствах и т. п. В этой теории разъясняется специфика познавательной активности всего общества профессиональных и не-

¹ Познер Р. Рубежи теории права. М., 2017. С. 342.

профессиональных участников уголовного процесса и их роли в этой деятельности. Такая теория уже всецело относится к сфере юридической науки, но она оказывается действенной лишь в том случае, если в нее вовремя вносятся соответствующие коррективы, не только рождаемые развитием правового знания или судебной практики, но и вызываемые изменениями в области философии в целом и в сфере общей теории познания в частности. В противном случае ее эффективность будет снижаться вместе с эффективностью работы всех инстанций, ее применяющих, что, конечно же, не может не сказаться негативно на нормальной деятельности суда в целом. Вот почему перед рассмотрением возможного влияния на уголовное судопроизводство всепроникающей цифровизации целесообразно поставить вопрос о том, с какими изменениями подошла к этому этапу философская или общая теория познания и насколько это было учтено в процессе применения и ретрансляции ее юридической проекции.

Не вызывает сомнений, что философская теория познания (или просто теория познания), во всем мире называемая эпистемологией, а среди российских юристов до сих пор именуемая гносеологией, претерпела за последние полвека радикальные изменения. Были переосмыслены такие фундаментальные понятия, как объективность, истина, реальность, язык, категоризация и т. п. Все это в равной степени должно быть учтено в ходе ревизии эпистемологических основ уголовного судопроизводства.

Некоторые авторы оценивают перемены, произошедшие в эпистемологии, как радикально революционные, что побуждает их отказаться от всего наследия классической эпистемологии. Становление неклассической эпистемологии в российской науке связано с именами В. А. Лекторского и И. Т. Касавина. Разрабатываемый последним такой ее под-

вид, как социальная эпистемология, включает в качестве раздела теорию социальных технологий, к числу которых И. Т. Касавин относит и уголовный процесс².

Как отмечает в своей характеристике неклассической эпистемологии В. А. Лекторский, «новые исследования ведут к необходимости пересмотра ряда положений классической эпистемологии относительно понимания знания и возможностей его обоснования, сознания и его единства, Я как носителя знания и сознания. Для классической эпистемологии был характерен ряд особенностей. Это гиперкритицизм (скептическая установка в отношении существования внешнего сознанию мира и возможностей его познания, а также в отношении знания чужих сознаний), фундаментализм (идея о существовании некоторых неизменных норм, позволяющих выделять и обосновывать знание), субъектоцентризм (мнение об абсолютной достоверности знания о состояниях сознания субъекта и недостоверности остального знания), наукоцентризм (установка на то, что только лишь научное знание является знанием в точном смысле слова). Складывающаяся сегодня неклассическая эпистемология отказывается от всех этих установок и заменяет их другими, такими, например, как доверие к принимаемой субъектом познавательной традиции (при определенных условиях), учет конкуренции и дискуссии таких традиций, отказ от фундаментализма, от субъектоцентризма, новое понимание «внутренних» состояний сознания, ментальных репрезентаций и самого Я и др. Это порождает целый ряд новых проблем, которые не существовали для классической теории познания»³.

² См.: Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2013. С. 359.

³ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 7.

Так, американский философ Р. Рорти предложил полностью отказаться от обсуждения традиционных теоретико-познавательных вопросов как утративших свою актуальность. «Оппозиция “найденного” и “сделанного” (“выдуманного”) — это вариант оппозиции “абсолютного” и “относительного”, вариант различения между тем, что есть то, что оно есть, вне зависимости от каких-либо отношений к другим вещам, и тем, чья природа зависит от таких отношений... Так вот, если мы хотим отказаться от такой метафизики, мы должны перестать проводить различие между абсолютным и относительным»⁴.

Объект и субъект, истина и заблуждение, реальное и идеальное, чувственное и рациональное не позволяют, согласно данной точке зрения, адекватно описывать познавательную активность индивида. На смену им должны прийти проблемы интерпретации текстов, герменевтики, анализа познания как одного из видов дискурса и т. п. Предложенное еще в середине XX в. М. Хайдеггером принципиальное различие понимания и объяснения, актуальное для гуманитарного познания, предлагается сделать стержнем философии и тем самым распространить на сферу теории познания. Такая «гуманитаризированная» эпистемология действительно позволяет узнать много нового о познании как тексте и о его основаниях как о контексте, она позволяет увидеть в познавательных практиках не совсем обычные виды литературы. Но при этом подобные опыты никак не отменяют ни традиционных трудностей, имеющих теоретико-познавательную природу, ни иных направлений, возникающих в современной эпистемологии, но не ориентирующихся на филологическую методологию.

Не менее радикальные сдвиги в понимании природы познания связаны с переосмыслением роли языка, вызванные развитием ряда наук: психологии, антропологии, лингвистики и др. Все эти науки в итоге получили общее название когнитивных и оказались объединены в общее направление — когнитологию. Результатом этого явилось новое понимание таких важных теоретико-познавательных категорий, как «восприятие» и «представление». Как отмечает В. А. Лекторский, восприятие не может и не должно рассматриваться как низший по отношению к представлению этап познания, который в принципе не может быть истинным или ложным. Сегодня есть все основания считать восприятие видом знания со всеми вытекающими последствиями. Еще более изменяются взгляды философов на природу и сущность представления. «Представление не может быть противоположно мышлению, — пишет В. А. Лекторский, — хотя и не в том смысле, который имел в виду философский эмпиризм. Мышление может осуществляться и без представлений. Однако представление так или иначе предполагает мыслительную деятельность, в которую оно включено как перцептивная схема и как способ решения определенных задач на осмысление... Представления — не наглядные “картины”, существующие во внутреннем мире сознания и разглядываемые “умственным взором”, а формы готовности к активной познавательной деятельности в внешнем мире»⁵.

И, наконец, активное внедрение в познавательные практики компьютеров, предполагающее совершенно иные перспективы организации знания и иные подходы к их обработке. Как отмечает З. А. Сокулер, «философская теория познания имеет право на существование, однако она должна во многом изменить свой облик: признать, что зна-

⁴ Rorty R. *Objectivity, Relativism and Truth*. Cambridge, 1991. P. 11.

⁵ Лекторский В. А. Указ. соч. С. 131.

ние есть докса, а не эпистема; отказаться от принципа тождества бытия и мышления; обратить внимание на процессы производства знания и все возрастающую роль, которую в этих процессах играют инструменты и приборы, в том числе позволяющие подменять исследование одного объекта или процесса другим, играющим роль модели последнего»⁶. Автор вышеприведенной цитаты возвращается к знаменитому противопоставлению «знания-докса» и «знания-эпистемы» для того, чтобы зафиксировать переход современной эпистемологии к точке зрения американского прагматизма, согласно которой все наши знания заслуживают лишь временного доверия на период, когда они получают подтверждение в действии. Отсутствие ожидаемого результата переводит их в разряд сомнительных, но опять же на время. Таким образом, знания заслуживают лишь статуса мнения, а не догмы.

Подводя промежуточный итог, можно заключить, что многие базовые понятия теории познания должны быть не просто уточнены и даже не переопределены. Измениться должен весь контекст их интерпретации, что не может не сказаться на их использовании в описании научных наблюдений и проектировании экспериментов. Эта работа ведется, но в разных областях знания она организована различным образом. Так, в физике или химии приборы позволили совершить настоящую революцию в практиках получения нового знания. Но сегодня их роль не возрастает, сами приборы и технические средства качественно преобразуются. Стремительное развитие информатики и вычислительной техники вытесняет наблюдение, фиксацию и измерение на периферию познавательного процесса, превращая компьютерное моделирова-

ние в центр производства научного знания.

Процесс познания является индивидуальным и коллективным одновременно. Познание неразрывно связано с мышлением, а мышление, если подходить к нему с позиций биологии и антропологии, есть продукт высшей нервной деятельности или результат особой активности коры головного мозга. Позднее появляется метафора, а затем и восходящий к этой метафоре, но вполне научно обоснованный и эвристически продуктивный термин «коллективное мышление». Однако в буквальном смысле под словами «мыслить», «думать» или «размышлять» понимается конечно же индивидуальное действие. А вот познание может быть как индивидуальным, так и коллективным. Более того, для нас имеет значение как раз коллективное познание, потому что оно и только оно значимо для общества. Но коллективное познание так и устроено, чтобы максимально полно и эффективно интегрировать результаты, получаемые мыслящими, наблюдающими и экспериментирующими индивидами. Способы межиндивидуального и межгруппового взаимодействия внутри познающего сообщества складывались столетиями. Постепенно выработались и соответствующие регулятивы, к числу которых можно отнести и нормы профессиональной научной этики, в том числе и конвенции публикации научных результатов, и стандарты организации или технологической научной экспертизы.

В современной философской эпистемологии учитывается коллективный характер работы исследователей, особо рассматривается разделение труда, предполагающее не только кооперацию, но и конкуренцию участников познавательного процесса. Определенная конкуренция между ними существовала с тех пор, когда в науке получили легитимность институты проверки и

---

⁶ Сокулер З. А. Философская теория познания: будущее под вопросом? // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 79.

доказательства: рецензенты и оппоненты, выступающие в качестве экспертов, в ролевом отношении мало чем отличаются от защитников, свидетелей и судебных экспертов в процессе осуществления правосудия. Но в сегодняшней науке неожиданно обозначились проблемы междисциплинарного и межуровневого взаимодействия как проблемы конкуренции в борьбе за доминирование на «рынке знания». Так, экономисты начали навязывать социологам и правоведам, философам и психологам свои методы и подходы: от марксизма до ставшего сегодня лидером в англоязычном мире экономического подхода к праву дистанция огромного размера, но их общая идея — редукция всего и вся к экономическим отношениям.

Неудивительно, что социология подготовила «ответную экспансию», что привело к появлению таких направлений, как институциональный подход в экономике (от У. Х. Гамильтона до А. А. Аузана), социологическая школа правоведения (от П. Сорокина до Ж. Карбонье и В. П. Казимирчука), социология знания в философии (от Б. Гессена до П. Бергера и Т. Лукмана). Как отмечает Н. С. Розов, «социологический империализм (пансоциологизм), возможно, не столь агрессивен и амбициозен, как империализм экономический, но он не менее уверенно проникает во все сферы социальной действительности и предметные поля соответствующих дисциплин, включая саму экономику, право, политику, управление, культуру, религию, массовые коммуникации, образование, медицину, спорт и т. д., и т. п.»⁷.

Юридическая мысль также не остается в роли обороняющейся стороны и объекта нападения. Как уже отмечалось, в идее научной экспер-

тизы можно увидеть влияние правоприменительной практики. В литературе отмечено влияние правовой мысли на формирование немецкой классической философии: первые три из четырех знаменитых кантовских вопроса («Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?») несут на себе печать юридического образа мысли. Даже в идее экспериментального метода Г. Галилея некоторые философы предположили возможное влияние инквизиционных практик допроса, что привело к метафоре о природе, которая намерена скрывать свои тайны и которую приходится допрашивать при помощи приборов и экспериментов. К. Свасьян даже сравнил физическую лабораторию с камерой для пыток, в которой «конспирирующаяся» природа подвергается жесткому допросу. Но если оставить в стороне метафоры и озарения, то можно без труда обнаружить следы экспансии юридического знания за пределы своей предметной области: от веберовской теории легитимности и попперовской концепции демаркации до роулсовской теории юстиции и фукианской теории наказывания.

Распространение методов, рожденных в недрах социологического или экономического исследования, на сферу права может быть вполне оправдано. Но при этом зримую опасность представляет возможность редукции правовой реальности к экономической или социальной. Между тем у правовых явлений сохраняется своя логика, обусловленная природой права и нередуцируемая к какой-то иной первооснове. И хотя теория государства и права в отечественной науке выполняет посредническую роль между философией и отраслевыми юридическими дисциплинами, современная ситуация позволяет осуществиться прямым контактам между ними.

Как было сказано выше, наряду с междисциплинарными проявлениями и постепенно нарастают труд-

⁷ Розов Н. С. От дисциплинарного империализма — к обществознанию без границ! («Шенгенский» проект интеграции социальных наук) // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3. С. 132—133.

ности в межуровневом взаимодействии в рамках одной и той же дисциплины. Так, физики обратили внимание, что проблемы, возникающие на стыке экспериментальной и теоретической физики, а также проблемы, порождаемые взаимодействием исследователей и конструкторов, приобрели новое качество. Эти проблемы были всегда, но только во второй половине XX в. они заслужили отдельного внимания со стороны ученых и методологов. Появление новых критических методов в арсенале историков и философов науки позволило зафиксировать наличие разных языков, неодинаковых словарей и даже отличных друг от друга субкультур, к которым принадлежали сообщества теоретиков, экспериментаторов и инженеров-конструкторов.

Для описания трудностей взаимодействия разных групп исследовательского сообщества П. Галисон даже ввел понятие зоны обмена, которая функционирует по своим особым законам и в которой происходят процессы существенного преобразования самих понятий и их интерпретаций. Американский философ и историк науки, исходя из тезиса о многообразии видов деятельности научного сообщества, приступил к рассмотрению последнего как множества локальных субкультур. «Физики, специализирующиеся в теории, эксперименте или инструментари, легко делятся на группы по классическим социологическим критериям (раздельные конференции, независимые сети обмена публикациями, различные журналы), — пишет П. Галисон, — теоретики и экспериментаторы зачастую имеют совершенно разные представления о том, какие существуют физические объекты, как их классифицировать и как доказывать их существование»⁸. Из сказанного ясно, что кол-

лективный характер научного поиска порождает те же самые трудности, каковые свойственны всем остальным видам коллективного действия. Эти трудности связаны с необходимостью управления коллективом и организации согласованной работы в команде. В науке гораздо сильнее проявлен феномен самоорганизации, обусловленный неразрывной связью научной продуктивности с творческой свободой и инициативой.

Мысли, высказанные П. Галисоном, свидетельствуют об осознании историками науки и учеными проблем, связанных с разделением труда в процессе научного поиска. Этим разделением всецело руководит стихия свободного действия: теоретики, экспериментаторы и инженеры нуждаются друг в друге, они создают коллаборации, но делают это без участия каких-то правил и, тем более, специальных законов. Даже если научный коллектив создается в рамках исследовательского института, государственной корпорации или венчурной фирмы, ученые взаимодействуют на основе общего целеполагания, трудового договора и взаимопомощи. Совсем не так обстоят дела в организации судопроизводства, где разделение труда между следователем, прокурором, судьей и адвокатом строго регламентировано на законодательном уровне. Что-то подобное можно обнаружить в научной жизни только в сфере организации экспертизы, рецензирования или публичной защиты, но научный поиск все же выносит в центр вопросы исследования, открытия и внедрения, а в деятельности органов правосудия самое главное — судебное решение и предшествующие ему усилия тех самых следователя и прокурора, адвоката и судьи.

Какие именно изменения произошли в философской теории познания на концептуальном уровне и какие следствия это имеет для теоретической и практической юриспруден-

⁸ Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 67.

денции? Как уже отмечалось выше, изменению подверглись такие важные категории теории познания, как понятия объекта, субъекта, истины, объективности, формы, содержания. Более того, изменились взгляды теоретиков на процесс образования понятий и категорий. И все это должно быть положено в основу переосмысления использования философской теории познания в теоретической и практической юриспруденции. Идет постепенное осмысление философских инноваций и их осторожное включение в теорию доказывания. «Основой любого дискурса являются те психологические возможности, которые актуализируются, возникают и постоянно трансформируются у человека в процессе его соучастия в исторически конкретной совместной с другими реальной практической деятельности. Участники дискурса объединяют язык с явлениями внеязыкового порядка, широким ситуативным контекстом, прагматическими, социокультурными, психологическими факторами»⁹.

Обращение индивидов в суд за справедливостью, как и возложение на судебную систему обязанности поддержания общественного порядка, в принципе не нуждается в какой-то особой теории суда и тем более в какой-то отдельной теории познания, каковые, к слову сказать, и возникли значительно позже, чем практики судопроизводства. Но в эпоху торжества теоретического знания, наступившую для отдельных средиземноморских сообществ более двух с половиной тысяч лет назад и сформировавшую европейскую цивилизацию, роль теоретического описания таких категорий, как доказательство, судоустройство, истина, справедливость, обоснованность, достоверность, приобрела

важное значение. Слова превращаются в понятия, а обозначаемые ими феномены постепенно из объектов наблюдения теоретиков переходят в теоретические конструкции, оказывающие воздействие на соответствующие судебные практики.

У понятий есть зримое преимущество — они имеют точный и фиксированный смысл, гарантией чему выступает сложный, но весьма эффективный аппарат формальной логики. Смысл (содержание) понятия сохраняется в определении, которое жестко и однозначно привязано к другим определениям. Это преимущество теоретического мышления позволяет преодолеть нежелательные следствия способности слов естественного языка иметь множество значений. Однако избыточное увлечение теоретическим мышлением также имеет свои недостатки, в том числе в сфере правосудия. Непрекращающиеся попытки подчинить всю правоприменительную практику какой-либо теории познания или же теории общества приводят к искажению первоначального смысла суда как неотъемлемого института человеческого общества. Между тем именно такие искажения исходного замысла судопроизводства приходится наблюдать, когда опыт и практика приносятся в жертву теоретическим конструкциям, будь то сложная философская теория истины или не менее сложная политическая теория справедливости. И справедливость, и истина — понятия исходные и не могут быть операционализированы для того, чтобы мы могли назвать критерии и признаки, позволяющие сугубо технически отделять их от несправедливости и неистины. Различие между истиной и неистинной, справедливостью и несправедливостью должно быть проведено на уровне повседневного жизненного опыта, на уровне здравого смысла, на уровне убеждений и ценностей. Что совсем не отменяет необходимость присутствия теорети-

⁹ Боруленков Ю. П. Содержание, сущность и свойства юридического познания в юрисдикционной деятельности // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 10. С. 177.

ческого знания как на уровне принципов уголовного судопроизводства, так и на уровне описания содержания уголовного-процессуальной деятельности.

Но если вновь вернуться к теории, то философам пришлось пересмотреть понятие объективности по следующим причинам. Во-первых, крайне важное для классической теории познания различие познающего субъекта и познаваемого объекта было подвергнуто критике с позиций истории и философии науки. Историко-критическая реконструкция галилеевско-ньютоновской научной революции позволила по-иному взглянуть на генетические корни понятия познающего субъекта¹⁰. Сделанный Декартом первый шаг к утверждению концептуальной конструкции, позднее ставшей классической и выраженной словами “*Cogito, Ergo Sum*”, переместил термин «субъект» из внешнего мира вглубь сознания познающего и рассуждающего индивида. Спустя полтора столетия И. Кант наделил это понятие способностью к познавательной и созидательной активности. И если у Декарта субъект — это «местоположение» отправной точки рассуждения, то у Канта субъект — это разум + воля + интересы + предрассудки + психика и др. То, на что направлено его внимание, познавательный и преобразующий интерес, выступает в классической теории познания как нечто, противоположное субъекту, т. е. как объект познания. Отсюда и весьма специфические понятия субъективного и объективного, которые позднее были приложены и к понятию мнения (субъективный взгляд — объективный взгляд), и к понятию установки (субъективный подход — объективный подход), и даже к понятию ис-

тины (субъективная истина — объективная истина).

Говоря об особенностях использования теоретико-познавательных понятий и стоящих за ним идей в удвоенной реификации (овеществлении) понятий, отметим следующее. Определение объективной истины или объективного мнения должно быть таким же, как, например, дефиниция правонарушения или кражи, т. е. необходимо указывать на род (родовое понятие) и перечислять видовые признаки, позволяющие отличать данный вид от других видов данного рода. Но если такие определения хорошо работают в Уголовном кодексе, позволяя по видовым признакам четко отличать грабеж от кражи, а их вместе от разбоя или участия в организованной преступности, то в случае оперирования абстрактно-теоретическими и философскими понятиями такие дефиниции попросту невозможны. Жизнь меняется, меняется сознание людей, меняется описание мира и вместе с этими изменениями устаревают прежние схемы представления о познании. Правоприменители интуитивно понимают, что когда мы говорим об объективности знания, мы говорим о его истинности. А вот философы, опирающиеся на новейшие исследования в области истории науки, скорее понимают под объективностью знания его независимость от всего субъективного: ошибочного, предвзятого и даже злонамеренного. Злонамеренность выносящего суждения субъекта может быть вызвана разнообразными причинами: симпатией, личным интересом, предрассудками и т. п. Популярная точка зрения, имеющая отношение к классической эпистемологии, состоит в том, что если индивид в своих оценках субъективен, то субъективности разных людей складываются и в сумме дают объективный взгляд на оцениваемое явление. Именно в этом состоит суть разнообразных форм коллективности, применяемых в оценке и

¹⁰ См.: Сергодеева Е. А. Культурологический и социологический «повороты» в современных историко-научных исследованиях // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 10. С. 274—282.

принятии решения: привлечение не одного, а двух и более экспертов, голосование, состязательность, независимость членов суда, ученого или диссертационного совета от председателя и друг от друга. В современной эпистемологии для характеристики оценки или решения, принимаемых коллективно, вместо термина «объективный» предпочитают использовать термин «интерсубъективный».

Э. Агацци в своем анализе генезиса и эволюции понятия научной объективности убедительно показывает, как объективность пришла на смену истинности. Итальянский исследователь обращает внимание на то, что в современной теории познания объективность как будто отвязывается от понятия объекта и привязывается к понятию субъекта: вопреки всем законам логики, определение объективности идет через преодоление понятия субъективности, а значит, через его отрицание. Другими словами, «объективный» не столько означает «принадлежащий объекту», сколько фиксирует иной смысл — «принадлежащий только объекту», или «не имеющий ничего от субъекта».

В процессе теоретико-познавательного обоснования понятия объективности возникает интересное смещение смысла, на которое указывает Э. Агацци. Когда мы говорим об объекте познания, то он по своей природе единичен, четко локализован в пространстве и во времени, т. е. в определенном отношении уникален. При этом, для того чтобы знание об этом объекте было признано объективным, его должны характеризовать такие свойства, как всеобщность и необходимость. «Но есть некое оправдание, — пишет Э. Агацци, — для того, чтобы рассматривать наше “знание” его только в том случае, если оно оказывается “независимым от субъекта”, то есть если оно верно для всякого знающего субъекта (“всеобщим”) и (“с необходимостью”) одним и тем же для всех

таких субъектов»¹¹. Но оба эти понятия нас отсылают не к уникальному, а к универсальному в самом объекте. Более того, необходимо различать два значения пары понятий всеобщности и необходимости: сильный и слабый. «Первое значение, — утверждает Э. Агацци, — ссылающееся на постоянство онтологической структуры, связывает с идеей всеобщности представление о пространственно-временной неизменности, тогда как второе просто имеет в виду одинаковость оценки разными познающими субъектами без какой-либо связи с пространственно-временными характеристиками»¹². Таким образом, можно заключить, что в основе сильного смысла понятия объективности лежит механическая картина мира и механистическое мировоззрение, которое давно уже принадлежит истории научно-теоретического мышления. А слабый смысл термина «объективный» фактически не проводит различия между объективным и интерсубъективным.

Сегодня, когда насущным делом правоохранителей стала цифровизация уголовного судопроизводства, очень важно понять, каким образом этот процесс коснется стремления правоохранителей к объективности, которая выступает сегодня в трех ипостасях. Объективность является нам и в качестве ценности, характеризующей идеал строгого и истинного знания, и как теоретическое понятие, объясняющее свойства достоверных утверждений, и как операциональное понятие, позволяющее конструировать формы и процедуры правоприменительной практики. Цифровизация сразу же создает соблазн перепоручить машине те самые операции, выполнение которых таит в себе возможность осознанного или неосознанного злоупотребления (заблуждения или заведомого обмана). Таким

¹¹ Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М., 2017. С. 99.

¹² Там же.

образом, вопрос заключается в том, чтобы обозначить элементы и процедуры в уголовном процессе, в которых может проявиться человеческая субъективность.

Казалось бы, моменты возможных злоупотреблений, неважно, осознанных или неосознанных, хорошо известны и подробно прописаны в ряде специальных документов (инструкции по надзору, протоколы служебной проверки и т. п.). Отсюда и пути лечения «хронических заболеваний»: видеозапись, сделанная машиной, выгодно отличается от рассказа очевидца-человека, а один раз внесенные в компьютер документы уже не могут быть, конечно, при соотвествующем его программировании, удалены или изменены. Но исчезают ли при этом негативные эффекты, которые связаны с понятием субъективности? Или, хотя бы, снижается их негативное воздействие? По этому поводу сегодня ведутся научные дискуссии. Некоторые исследователи предлагают расширить гласность на этапе расследования, обеспечив максимально открытый доступ к материалам дела. Таким образом, к работе следователя предлагается подключить максимальное число добровольных помощников, которые одновременно будут осуществлять свой (общественный) контроль за его деятельностью. Так, С. В. Власова предлагает перейти на «открытую, состязательную модель получения-передачи информации, в центре которой судебный орган и судоговорение. Все досудебное производство должно быть оцифровано. Однако принятие судебных решений должно оставаться за людьми. Судью надо информировать не через «уголовное дело» как набор производных источников доказательств, а через устную речь, в которой стороны могут представлять и выявлять смысл полученной ими цифровой информации»¹³.

Далее автор утверждает, что в процессе познания такого объекта, как преступление, у следователя или прокурора нет принципиальных преимуществ перед другими здоровомыслящими индивидами, будь то потерпевший, обвиняемый, понятой. А в случае успешной цифровизации расследования можно, по мнению С. В. Власовой, предоставить «роботу» право расследования цифровых преступлений. И это расследование будет объективным и всесторонним. Отсюда и вывод автора о том, что компьютер может раскрывать преступление, хотя само право судить она и оставляет за человеком. Это утверждение можно рассматривать как преувеличение реальных возможностей машины, а можно и как продолжение утверждений о том, что преступление совершает не сам человек, а его рука, нога или зажатый в руке нож. Можно приписать субъектность не личности, а человеческой природе (или природным, но индивидуальным склонностям данного конкретного человека), как это делал Ч. Ломброзо, или, напротив, — говорить об ответственности общества за нарушение его индивидами уголовного законодательства, как это делали К. Маркс или Э. Дюркгейм. И тогда мы сможем сказать, что преступление совершает не обвиняемый, а его генетика или что его принудили к преступной жизни общество, обстоятельства, среда. Все это уже неоднократно описывалось и обсуждалось в научной литературе и давно стало историей.

Таким образом, можно заключить, что в подобной позиции выражается мнение автора отказаться от исторически сложившейся «обвинительной» модели уголовного судопроизводства и скопировать англосаксонскую «состязательную» модель уголовного процесса. Но в такой отрицании кон-

¹³ Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального меха-

низма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 17.

тинентальной традиции брать в союзники цифровизацию — сомнительное предприятие, тем более, что в статье не приводятся какие-либо новые аргументы, связанные с новой технико-технологической реальностью. И сами оцифрованные документы, и работа человека с ними открывают равные возможности для противодействия традиционным злоупотреблениям как в рамках «обвинительной», так и в рамках «состязательной» модели. И только в процессе цифровизации станет ясно, каковы эти возможности в процессе внедрения компьютеров и IT-технологий в каждом конкретном случае. В философии техники сам феномен техники осмысливается с помощью принципа органопроекции. Автор данного термина и соответствующей концепции Э. Капп писал, что в орудиях, созданных человеком, заложены те же самые функции, которые должны выполняться различ-

ными органами человеческого тела¹⁴. Но ни один из органов человека не наделен какой бы то ни было субъектностью — только человек в целом, наделенный не только разумом, но и волей, являющийся личностью, выступает как субъект действия, будь то само преступление или же его раскрытие. И никогда не будет по-другому. Вот почему проблемы цифровизации уголовного судопроизводства являются проблемами как техническими, в смысле машинной техники (компьютеры, программы, защита от взлома и т. п.), так и юридически-техническими (законы, подзаконные акты, инструкции и т. п.). Таковы теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства, для изменения которых нет никаких оснований.

¹⁴ См.: Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л., 1925. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479>.

Библиографический список

- Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth. Cambridge, 1991.
- Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М., 2017.
- Боруленков Ю. П. Содержание, сущность и свойства юридического познания в юрисдикционной деятельности // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 10.
- Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1.
- Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1.
- Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л., 1925. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479>.
- Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2013.
- Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Познер Р. Рубежи теории права. М., 2017.
- Розов Н. С. От дисциплинарного империализма — к обществознанию без границ! («Шенгенский» проект интеграции социальных наук) // Общественные науки и современность. 2009. № 3.
- Сергодеева Е. А. Культурологический и социологический «повороты» в современных историко-научных исследованиях // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 10.
- Сокулер З. А. Философская теория познания: будущее под вопросом? // Вопросы философии. 2017. № 12.

References

- Agatstsi E. Scientific objectivity and its contexts. Moscow, 2017. 688 p. (In Russ.)
- Borulenkoy Yu. P. Content, nature and properties of legal knowledge in jurisdictional. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost*, 2018, no. 10, pp. 177—196. (In Russ.)

Galison P. Trading Zone: Coordinating Action and Belief. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 2004, no. 1, pp. 64—91. (In Russ.)

Kapp E., Nuare L., Espinas A. The role of tools in human development. Leningrad, 1925. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479>. (In Russ.)

Kasavin I. T. Social Epistemology. Basic and Applied Problems. Moscow, 2013. 560 p. (In Russ.)

Lektorskiy V. A. Classical and non-classical epistemology. Moscow, 2001. 256 p. (In Russ.)

Pozner R. Frontiers of Legal Theory. Moscow, 2017. 480 p. (In Russ.)

Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth. Cambridge, 1991. 226 p.

Rozov N. S. From disciplinary imperialism — to social studies without borders! (Schengen integration project of social sciences). *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2009, no. 3, pp. 132—142. (In Russ.)

Sergodeeva Ye. A. Culturological and sociological “turns” in modern historu research. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2011, no. 10, pp. 274—282. (In Russ.)

Sokuler Z. A. Philosophical Theory of Cognition: the Future in Question?. *Voprosy filosofii*, 2017, no. 12, pp. 79—90. (In Russ.)

Vlasova S. V. On the issue of adapting the criminal procedure mechanism to the digital reality. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2018, no. 1, pp. 9—18. (In Russ.)